

Александр Куприн

Кровать

Александр Иванович Куприн

Кровать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476385

Аннотация

«Ресторан опустел. Остались только я и Леонид Антонович. Было далеко за полночь. Усталые лакеи с измятыми, желтыми лицами тушили лампы. По той „развязности“, с которой они обмахивали салфетками мраморные доски соседних столиков, чувствовалось их неудовольствие против двух поздних и невыгодных посетителей...»

Александр Иванович Куприн Кровать

Ресторан опустел. Остались только я и Леонид Антонович. Было далеко за полночь. Усталые лакеи с измятыми, желтыми лицами тушили лампы. По той «развязности», с которой они обмахивали салфетками мраморные доски соседних столиков, чувствовалось их неудовольствие против двух поздних и невыгодных посетителей.

– О, это была удивительная кровать! – продолжал Леонид Антонович. – Только в добрую, затейливую старину и делались такие широкие двухспальные кровати, на которых, в случае надобности, можно было свободно танцевать кадрили. Вероятно, ей было лет около восьмидесяти, если не больше, но она сохранилась очень недурно. Ее спинки и бока из цельного, массивного красного дерева, покрытые резьбой и украшенные бронзовыми горельефами, производили впечатление чего-то семейного, солидного, почти торжественного. Тонкие витые бронзовые колонки, возвышавшиеся по четырем углам кровати, сходились вместе наверху и образовывали остов пышного балдахина. Толстые, улыбающиеся амурсы, с ямками на щеках и на локтях, грациозно поддерживали ниспадающие до самого пола великолепные штофные

занавеси.

Увидел я эту кровать среди кучи всевозможной рухляди, нагроможденной в аукционной зале, куда меня завлекли отчасти праздная скука, отчасти страстишка к антикварным вещам... Впрочем, я всегда был склонен думать, что даже такими, с виду совершенно бесцельными поступками человека управляют неизбежные, математически точные законы судьбы. Оценщик закричал:

– Кровать двухспальная... цельного красного... бронзовые украшения... стиль рококо... полог штофный, с вышивкой ручной работы... ножки поломаны... пятнадцать рублей... Кто больше?..

Во мне вспыхнул огонек коллекционера, и я сказал умышленно небрежным тоном:

– Гривенник.

– Пятнадцать рублей десять копеек... кто больше?.. Кровать двухспальная... рококо... Кто больше?

Недалеко от меня толклась шумная кучка каких-то подозрительных личностей, в картузах, в длинных сюртуках, в сапогах бураками... По их непринужденности, шушуканью, бросаемым и подхватываемым на лету шуточкам и многозначительным словечкам я догадался, что это маклаки – завсегдатаи аукционов. Один из них высунулся вперед и крикнул:

– Полтинник!

– Пятнадцать рублей пятьдесят копеек... Кто больше?

Я набавил еще гривенник. Темная личность – полтинник. Я – еще гривенник, он – еще полтинник. Хотя я и начинал волноваться, но владел собою прекрасно: это уж такой специальный аукционный опыт. Однако когда кровать возросла до тридцати рублей, я почувствовал себя неловко. В кармане у меня в этот вечер было всего-навсего тридцать шесть рублей с какой-то мелочью – все мои жизненные ресурсы до конца месяца.

– Тридцать один рубль шестьдесят копеек, – повторил аукционист, – кто больше? Я молчал.

– Кто больше?.. Раз! Он глядел на меня вопросительно. Я заложил руки в карманы и продолжал молчать, хотя сердце у меня в груди так и прыгало.

– Тридцать один рубль шестьдесят копеек... кто больше?.. Два!

Между темными личностями произошло смятение (очевидно, они набивали цену ради того, чтобы получить отступное или чтобы отвадить конкурента). Я нагнулся, осмотрел с самым пренебрежительным видом сломанные ножки, даже пошатал их немного и сказал, решительно повернувшись спиною к оценщику:

– Только на дрова и годится... Тридцать два рубля и больше ни копейки. Темные личности спасовали. Кровать осталась за мною. Когда я привез ее домой и отмыл толстый слой грязи, покрывавший бронзовые горельефы, то был поражен их художественным исполнением. Их было два, по одному на

каждой спинке. Они изображали свадебное шествие все тех же толстоногих, кудрявых, веселых амуров с раздутыми щеками. Один из них полз на четвереньках, между тем как другой сидел верхом у него на спине, третий и четвертый трубили в длинные трубы. Целая группа тащила на плечах цветочные цепи и факелы Гименя. Шествие замыкало двое окончательно пьяных амуров, из которых один, полулежа на земле, предлагал чашу с вином длинному аисту, испуганно поджимавшему правую ногу, а другой в это время выдавливал на голову своему собутыльнику тяжелую кисть винограда. И еще один толстяк, немного в стороне, полуотвернувшись от хмельной процессии, с детской наивной простотой орошал землю. Бабочки и кузнечики сопровождали эту группу.

Я был очень доволен своим приобретением... Но несчастье подкарауливало меня. Великолепная кровать вскоре совершенно разрушила мое спокойствие, – спокойствие старого, обеспеченного холостяка, закоренелого в своем ленивом эгоизме, молчаливого врага женщин, суетную потребность в которых мне давно уже заменяло антикварное увлечение.

Кто бы ни заходил ко мне: товарищи по службе, любители старинных вещей или, наконец, просто знакомые, всех их одинаково интриговала моя кровать в стиле ро-коко. Все они, точно сговорившись, поздравляли меня «со скорым вступлением в законный брак» и спрашивали имя «нареченной». Тщетно я разубеждал их, клялся им, волновался, кричал, бранился, – они мне не хотели верить. Они с сомнением

качали своими бараньими головами и возражали с двусмысленными скверными улыбками:

– Ладно, ладно, Игнатий Самойлович... вы нам, пожалуйста, очков-то не втирайте! Это, как хотите, – «ложе брачных наслаждений», а не холостая кровать. Слух о кровати распространился по всему городу, и вскоре квартира моя наводнилась целым потоком праздно публики. Приходили такие господа, глядя на которых, я никак не мог сообразить: где и как я мог с ними познакомиться. Одни предлагали мне приобрести у них «по случаю» мебель, другие – лошадей, третьи рекомендовали мне церковь и певчих, четвертью ничего не предлагали, но говорили сальности. Я чувствовал, что вид моей необъятной кровати возбуждает во всех самые гнусные мысли. Я негодовал и краснел, но уже начинал сознавать, что в мою спокойную жизнь вторгнулось неотвратимое влияние какого-то злого рока, который зацепил меня и влечет куда-то. Я гипнотизировался. Больше всех досаждали мне мои квартирные хозяйки. Их звали: Лина, Мина и Eudoxie. Это были три старые девицы, длинные, черные, плоскогрудые и злые. Я сделался внезапно центром нежных попечений, кокетливых улыбок, скабресных намеков и каких-то безмолвных, но нетерпеливых упований. Рок тащил меня с ускоряющейся быстротой. По ночам, во время бессонницы, лежа с открытыми глазами под величественным балдахином моей кровати-рококо, я пробовал бороться с этими таинственными силами, со всех сторон толкавшими меня к гибельно-

му решению... Но бесплодно! Почему знать, может быть, души целых рядов поколений, любивших и наслаждавшихся на этой кровати, может быть, эти коварные души продолжали по ночам незримо копошиться и прятаться в тяжелых складках штофных занавесей? Терзаемые ревностью к узурпатору их земной реликвии, они заставляли амуров улыбаться, покачивать кудрявыми головками и шептать насмешливо:

– Твоя кровать слишком широка для одного... слишком широка... слишком широка... Тебе в ней будет и холодно, и пусто, и страшно... страшно... страшно... Но я возражал:

– Кто же разделит ее со мной?

– Глупый вопрос! Отчего бы тебе не попросить об этом смугленькую Eudoxie? – шептали амур.

– Eudoxie? Но она ведь не так уже молода...

– А ты разве так уж молод? Посмотри-ка на свои седые виски.

– Кроме того, кажется, она и не особенно блещет красотой.

– Пустяки. Это только кажется. Вглядишься в нее как следует – она, в сущности, прехорошенькая девушка.

– Худа.

– Ну так что же? Почему ты знаешь? Может быть, ее худа-то и говорит в пользу вашего будущего счастья.

– Но будет ли верна мне смугленькая Eudoxie? – волновался я, выдвигая последний, тревожный вопрос. – Ведь это качество так редко у женщин... Мы знаем, что почтенный

Одиссей, вернувшись домой и переломав ноги молодым соблазнительям, не нашел у себя в семье никакой позорной прибыли... Но мы ничего не знаем о том, как целомудренная Пенелопа вела себя впоследствии под фирмой возвратившегося мужа! Без сомнения, и вы, господа амуры, не раз видели, что кровать-рококо оказывалась довольно широкой и для троих?

Но амуры смеялись и уверяли меня в противном. Десятки честных мужчин и женщин вкушали здесь счастье, и никогда измена не оскверняла этого штофного полога. Разве иначе имела бы твоя кровать такой почтенный, торжественный вид? Ну? Что же дальше говорить? Eudoxie стала моею женой. Определение судьбы совершилось, милостивый государь... Да-с... Это еще куда бы ни шло, что моя жена оказалась, при ближайшем рассмотрении, кривобокой. Но она сварлива, скупа, невежественна, глупа, боязлива. Наконец – страшно сказать – она мои старые драгоценные урны употребляет для домашних надобностей.

Кроме того, лукавые, толстощекие мальчишки безжалостно обманули меня: кровать-рококо оказалась чересчур широка для двоих и даже... впоследствии... для четверых...

Мы вышли из ресторана. Я видел, как неверными шагами скрылась в седом, мокром тумане осенней ночи его понурая, жалкая фигура. Бедняга! Он с ужасом возвращался в свою великолепную кровать стилия рококо.